

✳ Для влюбленного мир открывается тысячами новых граней.

С Арутюном Кочиняном я познакомилась на закрытии первого конкурса басов им. Ф. И. Шаляпина, дипломантом и стипендиатом которого он стал. Самый молодой из участников, высокий, с непокорной копной смоляных кудрей, он, казалось, рожден петь Демона, но Демона юного, если бы вечный Дух был подвластен времени.

Арутюн, отдав сердце милой ему филологии, уже учился в аспирантуре, когда случай «занес» его в ДК МГУ, славившийся на всю Москву оперной студией...

Москва, 1993 —
ноябрь (35) — с. 9

Рожден петь Демона

— Мой знакомый замечательно исполнял русские песни, особенно «Ямщик, не гони лошадей!». Я и пошел в класс сольного пения при студии: «Я тоже могу! Пусть научат и меня петь «Ямщика». Но педагог после прослушивания уверила меня, что мне надо заниматься пением серьезно и сразу дала разучивать арию Руслана.

— Но это же одна из труднейших партий даже для профессионального вокалиста!

— Да, но в этом ирония судьбы: прошло несколько лет, и Руслан стал моей первой большой работой в оперном театре.

— Значит, ваша дорога в оперу еще не так длинна?

— Петь я начал с детства, но серьезно занимаюсь шесть лет, считая три года университетской оперной студии. В консерваторию пришел, когда заканчивал аспирантуру — просто попробовать силы. На вступительных спел Сусанина и — поступил. Мой педагог, А. А. Лошак, предложил совершенствоваться уже достигнутое, как можно больше петь произведения великих композиторов, что само по себе обучение.

— Вы, студент III курса, поете на сцене оперного театра им. Станиславского и Немировича-Данченко: удается вам успешно совмещать ту и другую деятельность?

— Вполне. Вот уже год как я принят в стажерскую группу. Педагог посоветовал прослушаться. Работа на настоящей сцене, в коллективе помогла из-

бавиться от скованности, обрести внутреннюю свободу.

— Вы сразу стали «репертуарным» певцом?

— У театра после раскола сложная судьба: он практически остался без репертуара; шла «Пиковая Дама», восстанавливались «Севильский Цирюльник», «Евгений Онегин». Естественно, нельзя было пройти мимо небольших ролей, например, Зарецкого или Бертрана в «Иоланте». Самая главная моя работа — Руслан. Если бы не она... Я благодарен главному режиссеру А. Б. Тителю за бережное отношение к молодым.

— Арутюн, вы с легкостью владеете театральной терминологией. Это результат увлеченности театром или самообразования «умного вокалиста»?

— В университете я занимался театром Чехова, темой «Поздние пьесы Чехова в восприятии русских символистов». За театром слежу давно: как сменяются волны популярности, течения. Уходит наносное в культуру, а настоящее остается. Что касается «умного вокалиста»: понятие «вокалист» сводит искусство пения к чистой технике, а роль личности — к функции. Получается, что голос — это инструмент, которым надо исполнить свою строчку в партитуре. Иногда и слышишь: «Вот ваша нижняя строчка — «голос»! Хотя в опере голос, конечно, прежде всего.

— Тем не менее вы стали дипломантом конкурса имени великого актера-певца, вер-

нувшего опере ее театральную природу. Оказал ли талант Шаляпина влияние на ваше профессиональное становление?

— С Шаляпина и началось настоящее мое увлечение пением. Имя я слышал с детства, а интересно вот что: у нас в доме оказалось только восемь пластинок — все шаляпинские, и я басовый репертуар узнал именно в исполнении Шаляпина. Он для меня, как говорится, «не праведник и не грешник», а потрясающий знаток собственных возможностей. Я был покорен тончайшей нюансировкой в партиях Кончака, Годунова, Мефистофеля.

— Что привлекло вас в шаляпинском конкурсе?

— За два дня до его открытия у меня была премьера «Руслана»... Решил попробовать силы. Честно говоря, успех на всех трех турах был для меня неожиданностью. Может быть, я выделился из-за того, что никто не пел Досифея и Базилио, Сусанина и Лепорелло...

— На ваш взгляд, целесообразен ли подобный безвозрастной конкурс басов?

— Вряд ли конкурс без ограничения возраста плодотворен. В пении, особенно у басов, в каждом возрасте свои критерии. Бас созревает постепенно,

набирает с годами густоту. Певцы достигают апогея к сорока годам. Сусанин или тот же Борис Годунов требуют основательности, Демон, король Рене стары душой, должны нести в себе мудрость, «увесистость», за судьбами должен чувствоваться «жизненный багаж», а молодости и счастья в голосе никак не скроешь! Может быть, имеет смысл проводить подобный конкурс в два этапа — для молодых и зрелых голосов. И еще: для меня было показательно, что на конкурсе имени Шаляпина не было ни одного Мефистофеля, ни одного Годунова.

— Да, это роли-критерии. Значит, на конкурсе, несмотря на заслуженные победы, никто не приблизился к искусству Шаляпина. Между прочим, Шаляпин говорил: «Кто не слышал меня в «Демоне», тот меня не знает». Хотелось надеяться, что на следующем подобном конкурсе мы услышим вас в «Демоне», — вы ведь, по всему, романтик...

— Я собираюсь поучить кое-что из «Демона», да очень уж трудно. В погоне за эффектами исполнители забывают, что этот образ — выражение Зла, что это — страшно! Помню, я читал, что Шаляпин настолько входил в эту стихию, что после каждого исполнения Мефистофеля вымаливал прощение, очищался. Что же касается романтических настроений, то искусство, а пение тем более, без них невозможно.

— В чем источник вашего вдохновения?

— Я увлекающийся человек. Кроме книг, меня питают жизненные впечатления, переживания, любовь во всех ее проявлениях. Известно ведь, что и любовь чувственная обостряет восприятие: там, где не влюбленный человек видит обыденность, для влюбленного мира открывается тысячами новых граней. Я принадлежу к счастливым людям, которые выбирают и в науке, и в творчестве то, что нравится...

Ирина СИЛАНТЬЕВА